

В сентябре минувшего года, когда на сайте администрации Елизовского района появилось сообщение о готовящейся в центральной библиотеке муниципалитета лекции сподвижников общества «Мемориал» Виктории Добронравовой и Анны Яровой, я просто грустно улыбнулся примерно с тем же чувством, с каким реагируют на очередную вызывающую выходку малолетнего шалопаю. Дескать, что делать, «они же дети».

Дамы из «Мемориала» ставили перед собой, как явствует из повествования, благородную цель – «возвращение имен» жертв политических репрессий. Госпожа Добронравова выступление в Елизовской центральной библиотеке анонсировала экскурсом в предполагаемое прошлое полуострова: «1 января 1933 года в 12 часов дня в бухте Бабья были потоплены три баржи с живыми людьми, связанными по рукам и ногам. В основном это были мужчины – хозяйственные, грамотные люди, которых обвинили в заговоре по отделению Камчатки от России по делу «Автономная Камчатка». Стилистика, как принято говорить в таких случаях, а также суть повествования остаются на информированности и грамотности авторов. В сентябре мне оставалось только надеяться, что дамы из «Мемориала» и сами верят в то, что говорят, а не сознательно искажают факты.

Но последующие события, в том числе на международной арене, связанные с откровенным шельмованием советской истории первой половины прошлого века, заставили меня взглянуть на эту публикацию уже без улыбки, иронии и скидки на возраст. Сегодня страна, в ходе освобождения которой от рук гитлеровцев погибли 600 тысяч бойцов и командиров Красной Армии, обвиняет Советский Союз наравне с Германией в развязывании Второй мировой войны, требуя от России компенсационных выплат, призывает признать большевизм такой же преступной идеологией, как и фашизм.

Громкие заявления отдельных лидеров Евросоюза, а также страны в него стремящейся в сравнении с лекцией для крохотной аудитории в маленькой библиотеке кому-то покажутся разновеликими, несопоставимыми, и все-таки это явления одного ряда. Маленькая ложь рождает большую. Псевдореалистичный взгляд некоторых отечественных историков в конце минувшего – начале текущего веков на события нашего прошлого быстро нашли отклик и последователей в иных странах. Они сегодня оперируют практически теми же формулировками, которыми смущали умы сограждан наши подчеркнуто либеральные исследователи прошлого лет 20–15 назад.

А если вспомнить, что Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» решением Замоскворецкого суда еще 23 мая 2014 года признано иностранным агентом, то определенные мировоззренческие связи между большой и маленькой ложью выстраиваются в стройную логическую последовательность.

Все в той же информации, увидевшей свет на сайте Елизовской районной администрации, то ли с иронией, то ли по какой другой причине сообщается, что о репрессиях на Камчатке Виктория Добронравова «знает не понаслышке». Остается предположить, что она являлась очевидцем трагических событий в бухте Бабьей. Но Виктория Добронравова, сообщает страничка в «Одноклассниках», родилась 17 февраля 1944 года, иными словами, через 11 лет после событий, к которым она апеллирует.

Мне довелось познакомиться с громадным объемом архивных материалов регионального подразделения ОГПУ и НКВД, относящимся к событиям 30-х годов прошлого века, в том числе с уголовными и следственными делами по «Автономной Камчатке». Читать эти документы спокойно невозможно. После знакомства с ними любой нормальный человек обречен на долгую череду бессонных ночей и нелегкие раздумья. И один из выводов, который я твердо для себя сделал, касается непредвзятости. Тема политических репрессий, как и другие события высокого трагического накала, требуют не домыслов, не пересказов легенд, а безальтернативного следования в фарватере фактов.

Опираясь на них, могу сказать, что мне известны два эпизода, относящиеся к июню и августу 1938 года, когда расстрельные переговоры приводились в исполнение на Камчатке. До и после этих трагических событий подследственные, которым угрожала «высшая мера социальной защиты», для вынесения приговора и приведения его в исполнение направлялись в Хабаровск. Такая репрессивная технология действовала и в отношении арестованных по делу об «Автономной Камчатке» – всех, без исключения.

История с затопленными баржами в бухте Бабьей вымысел от начала до конца. Эта легенда среди определенной части камчатского населения муссируется уже много лет, то затихая, то прорываясь в средства массовой информации. При этом никто из считающих эту историю реальностью не смог объяснить, кого могла посетить параноидальная идея топить баржи вблизи от города в мелководной бухте, которая, как правило, в январе скована льдом.

Необходимо поинтересоваться и тем, какие для массовой изуверской, практически средневековой казни могли быть юридические основания. Даже в период массовых политических репрессий в 1937–1938 годах существовали определенные правовые ограничения и установленные законом правила.

Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 года не предусматривал смертной казни через «затопление», тем более в массовых масштабах. Такие факты знает история братоубийственной гражданской войны. Баржи и суда в качестве тюрем использовали на Волге, Каме, сибирских реках, в Крыму и белые, и красные. О случаях сознательного затопления тюремных судов даже в те годы мне неизвестно, но казни на них проводились. Еще больше узников гибли от голода, морозов, антисанитарных условий. В августе–сентябре правительство А.В. Колчака направило в Томск из Тюмени и Тобольска четыре баржи с пленными красноармейцами и сочувствующими большевикам гражданскими лицами. Из нескольких тысяч выжили только 83 человека...

Первыми «баржи смерти» начали использовать летом 1918 года поднявшие мятеж против правительства большевиков эсеры в Ярославле и сторонники поддержанного белочехами Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания – в Сарапуле, Воткинске и Ижевске. В тюрьму трюм парохода «Свирь» превратила и администрация Х. Бирича во время его недолгого руководства Охотско-Камчатским краем в 1922 году. После гражданской войны ничего подобного история репрессий не знала.

По версии госпожи Добронравовой в баржах на дно бухты Бабьей 1 января 1933 года ушли «хозяйственные, грамотные люди», арестованные по делу об «Автономной Камчатке». Кстати, для справки могу сообщить, что впервые об автономистах заговорили не большевики и чекисты. Верховный уполномоченный А. Колчака по Дальнему Востоку Д. Хорват в феврале 1919 года разогнал возглавляемый А. Пуриным Камчатский областной совет, заподозрив членов местного органа власти в чрезмерных симпатиях к японцам.

Дело об «Автономной Камчатке» органы ОГПУ инспирировали в 1933 году. Первый арест состоялся 11 марта того же года. «Назначенного» на должность главы разветвленной террористической повстанческой организации Прокопия Новограбленова «попросили» зайти вечером в Камчатский областной отдел ОГПУ. На свободу он уже не вышел.

Находясь до июня в Петропавловске, Прокопий Новограбленов успел красивым ровным учительским почерком дать компрометирующие показания на 280 человек. Такой прыти от арестованного не ожидали и сами чекисты, поэтому из этого списка исключили «социально близких» к новой власти граждан.

В июне 1933 года почти всех арестованных по делу об «Автономной Камчатке» этапировали в Хабаровск. На рассмотрение тройки полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю следователи вынесли обвинительные заключения на 150 человек, записанных в члены «диверсионно-повстанческой и шпионско-вредительской контрреволюционной организации». Большинству были вынесены расстрельные приговоры, в том числе Добровольскому Луке Лукичу, о котором госпожа Добронравова упоминает, как о погибшем на барже. Он расстрелян в январе 1934 года.

Кто-то мне может возразить, что нет разницы в том, как погиб человек. Он стал жертвой ложных обвинений, и это главное. С таким доводом нельзя не согласиться. Но зачем выдумывать ложный трагизм там, где существуют трагедии настоящие? Ответ на поставленный вопрос могут дать только те, кто фабрикует эти вымыслы. Но они молчат, видимо, не понимая, что их ложь в целом девальвирует саму идею восстановления справедливости, заставляя сегодняшнее поколение сомневаться в том, а так ли страшны и необоснованны репрессии, как о них рассказывают. Не в этом ли одна из причин растущей в России ностальгии по сталинскому режиму?

Не трудно предугадать, чем сможет парировать все мои доводы госпожа Добронравова. Скорее всего, она сошлется на рассказы неких очевидцев, которых в силу известных причин расспросить уже не удастся. Такими доводами многие авторы сомнительного качества сочинений пытаются легализовать свои сенсации. Один из летописцев местного быта и нравов в претендующей на откровение книге рассказал о том, как кок советской субмарины, весной – летом 1942 года вывозившей раненых из осажденного Севастополя, потчевал экипаж котлетами из скончавшихся по дороге бойцов. Бытописец также ссылался на рассказы почившего очевидца. Дескать, вот каких мук и страданий потребовала от нас Победа.

В осажденном Севастополе продовольствия не хватало. Но и там котлет из раненых не делали. Субмарина же базировалась на кавказском берегу, где советские войска в тот период в основном снабжались продуктами, поставляемыми в СССР союзниками по

ленд-лизу через Иран. Этим пайкам завидовали даже солдаты Вермахта. Нетрудно сегодня найти нормы снабжения экипажей подводных лодок советского Черноморского флота в 1942 году. Уверяю, уважаемые читатели, они не голодали.

Если же автору хотелось рассказать о трагических страницах этого периода войны, то стоило вспомнить об аджимушкайском гарнизоне полковника П. Ягунова, значительную часть которого составляли бойцы и командиры двух полков НКВД, оставленных командованием в мае 1942 года прикрывать переправу войск Крымского фронта на Таманский полуостров. Пять месяцев они вели борьбу с гитлеровцами, испытывая невероятные мучения. Их подвиг можно сопоставить только с обороной Брестской крепости. Правда иногда оказывается трагичнее всякого вымысла, потому что она правда.

Но чтобы следовать в фарватере реальных фактов, надо знать о них. Многие же исторической правды боятся, поэтому предпочитают опираться на «свидетельства очевидцев», а не на документальную базу. Знакомство с реальными документами, серьезными архивными материалами способно поколебать их уверенность в правоте, заставить задуматься, тем ли идеалам посвятили жизнь. Для них выйти за рамки однажды усвоенных представлений все равно, что волку вырваться из квадрата, опоясанного красными флажками. На это способен только самый мудрый и бесстрашный.

В этой связи мне вспоминается неожиданное признание хорошо известного либеральной публике, сегодня уже, к сожалению, покойного, Арсения Борисовича Рогинского. Он стоял у истоков общества «Мемориал» и долгое время руководил его деятельностью.

25 мая 2012 года во время проходившего в Днепропетровске круглого стола «Историк – между реальностью и памятью» он сделал сообщение, шокировавшее многих его единомышленников. Тема очерка позволяет воспроизвести значительную часть этого выступления:

«В начале 90-х я довольно много занимался статистикой советского террора. Изучил огромное количество отчетных «простыней» о терроре за все годы, из разных регионов Советского Союза. Статистика у нас всерьез начинается с 1921 года, до 1921 года сохранились только разрозненные обрывки. А начиная с 1921 года – огромные папки. Году в 1994-м я все изучил, все расписал и сложил. Дальше – нужно было опубликовать.

Я посмотрел на свои цифры...

... По моим подсчетам за всю историю советской власти, от 1918 до 1987 года (последние аресты были в начале 1987-го), по сохранившимся документам получилось, что арестованными органами безопасности по всей стране было 7 миллионов 100 тысяч человек. При этом среди них были арестованные не только по политическим статьям. И довольно много. Да, их арестовывали органы безопасности, но органы безопасности арестовывали в разные годы и за бандитизм, контрабанду, фальшивомонетничество. И по многим другим «общеуголовным» статьям...

И вот цифра итоговая – 7 миллионов. Это за всю историю советской власти. Что с этим делать? А общественное мнение говорит, что у нас чуть ли не 12 миллионов арестованных только за 1937–1939-й... Просто точно знал, что, во-первых, не поверят. А, во-вторых, для круга, к которому я считаю себя принадлежащим, это значило бы, что все, что нам говорили о цифрах до этих пор вполне уважаемые нами люди, неправда...»

После такого откровения вполне позволительно спросить: а могут ли личности, которые ввали, оставаться в категории «вполне уважаемые нами люди»? К словам Арсения Рогинского могу добавить, что пресловутую 58-ю статью, с ее многочисленными частями, пунктами и подпунктами, устанавливающую ответственность за контрреволюционную деятельность, измену Родине, шпионаж и т.д., часто добавляли к уголовным статьям, если совершенные по ним преступления представляли особую социальную опасность – многократные убийства, каннибализм, хищения в особо крупных размерах, спекуляция в голодные годы... Стоит вспомнить про политический бандитизм, военных преступников, настоящих шпионов и диверсантов, националистов, басмачей...

В годы массовых реабилитаций, как и в годы массовых репрессий, чаще всего с составом преступлений не разбирались. Часто и там и там все сводилось к формальным признакам. Понятно, что последствия необоснованных репрессий и реабилитаций разные. Цена первой – лишение свободы и загубленная жизнь. Вторая в худшем случае для кого-то может означать стершиеся границы между добром и злом.

В этой связи мне вспоминается давняя беседа с Валентином Пикулем. Она состоялась в Риге в 1988 году. Я спросил его о темах, которые предпочтет тогда еще советская историческая литература в ближайшие годы? Писатель ответил незамедлительно – репрессии. Сам Валентин Пикуль в этой теме ограничился хроникой времен

императрицы Анны Иоанновны «Слово и дело».

Далее он рассказал, что один из бывших руководителей ГУЛага предлагал передать ему свой архив. Видимо, надеялся на его опубликование авторитетным писателем. Пикуль поначалу с большим интересом приступил к изучению документов, но потом решительно отказался от архива. В нем обнаружили хорошо известные на тот момент имена и свидетельства о совершенных ими преступлениях вовсе не политического характера. Как выразился сам Валентин Саввич, «мне не хотелось иметь под кроватью мину, которая обязательно должна взорваться».

С подобными ситуациями в ходе изучения документов доводилось сталкиваться и мне. Расскажу только об одном случае. В октябре 1933 года к уголовной ответственности был привлечен бывший начальник морского контрольно-пропускного пункта в Усть-Камчатске Сергей Николаевич П-в. Его обвиняли в сотрудничестве с японской разведкой. Согласно версии следствия, бывшего начальника МКПП завербовал доктор Ясудо, работавший на заводе № 1049 японской рыболовной фирмы «Ничиро». Затем доктор свел командира-пограничника с секретарем японского консульства Ногучи Иосио, который летом 1933 года находился в Усть-Камчатском районе. Дипломат якобы дал задание П-ву убить одного из японских рабочих, чтобы вызвать обострение отношений между Москвой и Токио.

Но вскоре Ногучи Иосио, чуть основательнее изучив П-ва, пришел к выводу, что советский командир не тот человек, которому можно поручить щекотливое задание, требующее кропотливой проработки.

Секретарь консульства передал П-ву через переводчика фирмы «Ничиро» запечатанный конверт с запиской. В ней дипломат отменял прежнее задание. Но записка, если она и существовала, попала в руки П-ва поздно. Начальник МКПП успел ранить японского рабочего. К счастью, несмертельно. П-ков и доверенный 1061-го концессионного участка фирмы «Ничиро» Хосимото составили акт в трех экземплярах, из коего следовало, что командир-пограничник «ранил японского рабочего случайно, стреляя в чаек».

Казалось бы, полная чушь. К такому выводу пришли и в 1990 году, когда Семена Николаевича реабилитировали, не обратив внимания еще на одно обстоятельство уголовного дела. П-ков до того, как был арестован, дезертировал из части и 20 дней

скрывался на японских промыслах. Его выдали только после того, как советская сторона пригрозила проведением силовой операции. Согласитесь, ситуация предстает в несколько другом свете.

Я вспомнил об Арсении Рогинском, Валентине Пикуле, обратился к собственному опыту работы с материалами по реабилитации, чтобы в очередной раз подчеркнуть мысль, с которой начал очерк: тема политических репрессий требует к себе предельно внимательного отношения. Откровенная ложь, в какие бы одежды благих целей она ни рядилась, вульгаризирует проблему, опускает ее на уровень желтой прессы, лишает трагичности одну из сложнейших страниц нашей истории.

Владимир СЛАБУКА